

Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата

Иван Вячеславович Федосов

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, jeanfedosoff@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7687-0760>

Аннотация. Статья посвящена изучению правового статуса немусульманского населения Османской империи и трансформации этого статуса в эпоху реформ Танзимата. Автор анализирует доктринальные основы исламского законодательства в части регулирования жизни немусульманских общин, сочетая изучение буквы мусульманского закона с историческим контекстом. Проводится сравнительный анализ исламского теоретико-правового материала вкпе с социально-политическими процессами. Акцент исследования делается на изучении трансформации миллетной системы под влиянием западноевропейской правовой мысли с целью создания современной нации. Показана актуальность исследования юридических аспектов регулирования жизни немусульман в процессе изменения правового статуса немусульманских общин в структуре османского общества. Автор приходит к выводу, что хотя изменения правового положения иноконфессиональных общин в указанную эпоху имели место, тем не менее, они не позволили создать единый однородный социум на основе общей идентичности.

Ключевые слова: ислам, исламская правовая система, миллет, миллетная система, мусульманское право, Османская империя

Для цитирования: Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 44–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49>. EDN WMIHFG

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The changes of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms

Ivan V. Fedosov

Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, jeanfedosoff@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7687-0760>

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire and the transformation of this status in the era of Tanzimat reforms. The author analyzes the doctrinal foundations of Islamic legislation in terms of regulating the life of non-Muslim communities, combining the study of the letter of Muslim law with the historical context. A comparative analysis of Islamic theoretical and legal material, coupled with socio-political processes, is carried out. The emphasis of the study is on studying the transformation of the millet system under the influence of Western European legal thought with the aim of creating a modern nation. The relevance of studying the legal aspects of regulating the lives of non-Muslims in the process of changing the legal status of non-Muslim communities in the structure of Ottoman society is shown. The author comes to the conclusion that although changes in the legal status of other religious communities took place in this era, nevertheless, they did not allow the creation of a single homogeneous society based on a common identity.

Keywords: millet system, Islamic law, Islamic legal system, Ottoman Empire, Islam, millet

For citation: Fedosov I. V. The changes of the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49>. EDN WMIHFG

Рубеж XVIII – XIX вв. для Османской империи ознаменовался постепенным вхождением в системный кризис. Султан Селим III вззошел на трон и провел свое относительно недолгое царствование (1789 – 1807), будучи захваченным идеей вестернизации старого имперского здания Порты. Посредством введения западноевропейских военных порядков, создания современных вооруженных сил и ликвидации технического отставания от европейских стран, держава Османов, как полагал августейший реформатор, должна была решить стоявшие перед ней проблемы, перестать проигрывать европейцам в войнах и вернуть свой золотой век. Хотя правление Селима продлилось не так долго, а его военные реформы не были завершены, тем не менее, сам по себе факт начала процесса вестернизации являлся глубоко симптоматичным. Мурад II (1808 – 1839) и Абдул-Меджид I (1839 – 1861) подхватили знамя модернизации империи и сделали процесс необратимым. Султан Мурад II провел небывалые по своим масштабам преобразования, навсегда изменившие облик старой Порты как перед лицом европейских наблюдателей, так и в глазах самих ее жителей. Его сын Абдул-Меджид I продолжил дело отца. Именно во время его правления начинается знаменательная эпоха в османской истории, получившая название «Танзимат», что в буквальном переводе и означает «реформы».

До начала Танзимата правовой базис социального устройства Османской империи оставался концептуально неизменным с 1461 года, когда султан Мехмед II Фатих создал миллетную систему. Являясь творческим переосмыслением доктрины исламского права в части регламентации жизни иноверцев под властью мусульман, османская система миллетов стала качественно новым шагом с точки зрения правового развития и государственного строительства одной из самых передовых мусульманских держав того времени.

По замыслу Фатиха, населения империи делилось на две неравнозначные и неравные в количественном отношении части. Первая часть – господствовавшая этнокультурная группа – называлась миллет-и хакиме (или уммет) и состояла из мусульман, невзирая на их этническое и/или расовое происхождение. Для лиц, исповедовавших исламскую религию, в Порте были открыты все возможности и карьерные пути, чем на протяжении истории нередко пользовались даже европейские перебежчики, принявшие ислам и достигавшие социального успеха, становясь беями, пашами или даже визириями султанского правительства в Константинополе. Вторая часть, гораздо более многочисленная, состояла из немусульман, которых называли «райя» (дословно «стадо») или «зимми». Райаты (зиммии) платили большее число налогов, не имели права поступать на государственную службу (исключение делалось только для фанариотов – представителей бывшей византийской знати, перешедших на службу к султану и исполнявших обязанности переводчиков или дипломатов), не могли носить одежду определенного цвета (например, зеленого, считавшегося цветом ислама и дозволенного только для мусульман), не могли носить оружие, не имели права передвигаться верхом, что также считалось привилегией господствовавшего миллета (уммета), не могли строить свои молельные дома (церкви и синагоги) выше мечетей.

Подобные ограничения были призваны всячески подчеркнуть пониженное положение покоренных иноверцев на контрасте с могуществом завоевателей-мусульман и согласовывались с буквой исламского закона, который велит мусульманам не чинить бесчинств и притеснений иноверным «людям Писания» (то есть иудеям и христианам), однако только лишь при условии соблюдения последними своей подчиненной роли и заключения «договора о покровительстве» с исламской общиной – уммой. Подобное «покровительство» как в Арабском халифате, так и впоследствии в других мусульманских государствах на практике оборачивалось официально закрепленным военно-политическим господством мусульман и полным устранением из сферы государственного управления представителей иных религий.

Миллетная система в Османской империи упрочила и систематизировала подобное положение дел на века вперед, создав структуру автономных религиозных общин (миллетов), призванных взаимодействовать не между собой, а лишь с султанским двором по вопросам управления подвластным населением. Главы этих общин, миллет-баши, отвечали своими жизнью и имуществом за сохранение статус-кво и покорность «подопечных». Таким образом,

в Османской Порте была создана довольно эффективная для своего времени политико-правовая модель гетерогенного социума, который делился на различные слабо связанные друг с другом сегменты, каждый из которых находился в специфической юридической связи с центральным стамбульским правительством.

Представления о классической мировой державе были восприняты в Османской империи и через римско-византийские традиции, и как *Nizam-i Alem* (система мира), принятая в исламской философской мысли. Османское государство признавалось единственным законным государством в мире. Любые другие государства, даже крупные державы, уступали в иерархической структуре державе османского султана. Эти представления продолжали существовать. Важно, что в них отсутствовало понятие «граница». Из-за неприятия наличия границ государства следовало и неприятие понятия «страна». Политическая сплоченность в государстве должна была обеспечиваться лишь такими характерными для классической империи отношениями, как «верность – справедливость». Любая социальная группа, хранящая верность политическому правителю, то есть султану, имела право рассчитывать на его справедливое покровительство. На этом представлении базировалась и та социальная система, которая складывалась в государстве. В ее основе лежала так называемая система «*millet*». Слово «*millet*» происходит от арабского корня «*mille*» и понималось тогда как некая группа, объединенная одной верой, религией. Каждая религиозная группа через своего религиозно-политического лидера (*milletbaşı*), выражая верность султану, имела право организовывать население и сама решать вопросы внутреннего порядка; государство выступало лишь как гарант справедливости в конфликтных вопросах между этими группами. Отношения между государством и обществом, следовательно, выливаются в социальную структуру, в которой индивид не связан напрямую с государством, общественная и косвенно политическая его верность принадлежали миллету, а верность миллету выражалась и в лояльности султану – так обеспечивалось политическое единство [1, с. 471].

Для старых империй, домодерных государств, создававшихся силой и силой же удерживаемых в целости, подобная ситуация не была новшеством. Аналогичные социальные структуры имели место и в предшественнице Порты, Восточной Римской империи (Византии), и в территориальных династических государствах Европы. Однако с течением веков жизнь бросала им все новые и новые вызовы. Постепенно и политико-правовое устройство, и социальные модели европейских обществ, доселе также неоднородных, медленно, но верно эволюционировали в сторону все большей гомогенизации. Эти процессы начали происходить в Западной и Центральной Европе с наступлением эпохи модерна [2, с. 47], когда позднее Средневековье уходило в прошлое и уступало место Ренессансу. Именно тогда, как принято считать, европейские общества поначалу незаметно, но с течением времени все более отдалялись от идей «государства-лесничего» и обращали свой взор к модели «государства-садовника» [3, с. 52], призванного к гораздо более тесному и скрупулезному взаимодействию со своими подданными – как с социальными группами (сословиями, стратами), так и с отдельно взятыми индивидами. Разумеется, этот процесс шел несколько столетий, далеко не везде был однонаправленным и поступательным, однако в результате Европа преобразилась, явив миру новую, современную модель политико-правового взаимодействия общества и государства.

В Османской империи же эти процессы в середине XIX века только предстояло инициировать, и успех не был заведомо гарантирован. Во всяком случае, подобные задачи ставили перед собой реформаторы той поры, понимавшие, что старая миллетная система уже не вполне отвечает веяниям времени и нуждается в концептуальном обновлении. В деле реформ османской государственности и социальной структуры они рассчитывали воспользоваться передовым опытом западноевропейских держав, заимствовав и переложив на османскую почву часть правовых и политических институтов.

Под знаменем масштабных изменений начались реформы Махмуда II, а позже и мероприятия танзиматистов при Абдул-Меджиде I, которые должны были ликвидировать отставание Порты от передовых европейских держав.

Говоря об изменениях в юридической сфере, прежде всего необходимо упомянуть три документа, по своему содержанию неравнозначных, однако родственных как своими целями, так и общим духом. Новую страницу в османской политико-правовой реальности открывал фирман (указ) султана Махмуда II об умиротворении Мореи – одной из провинций империи, населенной этническими греками, – ставший реакцией Константинополя на резко усилившееся национально-освободительное движение в Греции, вылившееся в восстание, поддержанное европейскими державами. Несмотря на то, что после поражения султанских войск Греция в 1830 г. объявила о своей независимости, фирман, так и не сыгравший своей роли, стал первым официальным документом, в котором османский султан открыто заявлял о «равном отношении» ко всем своим подданным «вне зависимости от их религиозной принадлежности». Более того, Махмуд II пошел дальше, заявив, что все подданные – его родные дети и он относится к ним одинаково, видя между ними разницу лишь чисто религиозную. Эта идея, впервые озвученная в фирмане 1830 г., через десять лет станет одним из главных лозунгов танзиматистов.

Вторым документом стал Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. Свое название хатт-и шериф («благословенный указ») получил в честь места провозглашения – площади перед султанским дворцом Гюльхане. Указ был обнародован 3 ноября 1839 г. и стал важнейшим опорным документом программы грядущих преобразований, заложив правовой фундамент всех последующих реформ. В нем содержалось обещание гарантировать безопасность жизни, чести и имущества всех подданных империи, обеспечить справедливый способ взимания налогов, ликвидировать откупную систему, навести порядок в рекрутском наборе и сократить срок солдатской службы. Указ декларировал гласность судебных процессов и прекращение практики конфискации имущества осужденных. Гюльханейский акт торжественно провозгласил равенство подданных империи в их правах и обязанностях без различия вероисповедания [4, с. 170]. Однако несмотря на все революционные новшества, которые он в себе содержал, хатт-и шериф по-прежнему закреплял господствующее положение мусульман в обществе. Сам «архитектор» хатта Решид-паша, один из виднейших сановников империи и идеологов Танзимата, в личном общении вовсе не скрывал, что целью указа являлось лишь смягчение конфессионального неравенства, но отнюдь не полное его уничтожение [5, с. 28].

Вслед за хатт-и шерифом в 40-х годах XIX в. последовал ряд новых актов, направленных на регулирование различных областей жизни подданных Высокой Порты: был принят уголовный кодекс, закон об обязанностях и правах государственных чиновников, закон о создании светских школ, учрежден уголовный суд и сеть коммерческих судов. Весьма примечателен факт учреждения в 1854 г. смешанных судов для рассмотрения дел с участием мусульман и немусульман. Также заметим, что в 1850 г. был принят закон о допуске зиммиев в армию – поистине революционный шаг османского правительства на пути к уравниванию в правах мусульман и немусульман. Хоть закон и остался на бумаге, встретив жесточайшее сопротивление мусульманского населения и не найдя практического воплощения, сама тенденция была показательной.

Наконец, в 1856 г. был издан хатт-и хумаюн («высочайший указ») султана, который подтвердил и расширил положения Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. Гарантировались все льготы и привилегии немусульманских общин, декларировались допуск всех подданных империи без различия вероисповедания к занятию должностей на государственной службе и право поступления в гражданские и военные школы. Указ провозглашал равноправие подданных империи при рассмотрении дел в судах и равенство в правах всех налогоплательщиков, а также устанавливал, что немусульмане будут впредь допускаться на военную службу [6, с. 191].

Существенным новшеством было то, что миллеты, доселе автономные и представлявшие собой своеобразную «параллельную реальность», теперь включались в структуру османской администрации: правовой статус должностных лиц миллетов приравнивался к государственным служащим с сопутствующими этому статусу правами, обязанностями и юридической ответственностью за свои действия в рамках отправления служебных полномочий.

В 1866 г. вышел правительственный циркуляр, подтверждавший и конкретизировавший положения хатт-и хумаюна: духовным главам миллетов запрещалось представлять Порте «такриры» (жалобы, выходящие за рамки чисто религиозных вопросов). Подобный шаг был

одним из проявлений тенденции к все возрастающему ограничению автономии миллетов. Установление прямого контроля властей над деятельностью немусульманских миллетов посредством вовлечения их верхушки в османскую административную систему с выплатой жалованья за «службу» превращало духовных лидеров в государственных чиновников, подрывая тем самым старинный принцип их автономного существования. Подобными мерами танзиматисты стремились ликвидировать барьеры между миллетами и добиться тем самым создания интегрированного социума.

Главной проблемой на пути деятелей Танзимата, стремившихся, по образцу Западной Европы, к созданию единого османского социума, была изначальная гетерогенность этого общества, формировавшегося на сущностно иных принципах. Следствием реформ Танзимата стала двойственность и противоречивость государственных и общественных институтов, одни из которых оставались традиционными, другие же создавались по европейскому образцу [7, с. 180]. Кроме того, целям танзиматистов препятствовала и буква исламского закона, которую знали и оттоманский истеблишмент, и социальные низы. Более того, сам глава государства, османский султан, на тот момент совмещал в себе и роль светского владыки, и верховного религиозного главы мусульман-суннитов всего мира – халифа [8, с. 129]. Данный факт делал вдвойне неудобными и сущностно противоречивыми заявления стамбульского правительства о «равном отношении» ко всем подданным, что шло вразрез с мусульманским правом в части регламентации жизни иноверцев под властью исламского правления [9, с. 525]. Все это в совокупности влекло подспудное сопротивление консервативной части населения проводимым в жизнь изменениям, приобретающее формы саботажа на местах. Попытки османских реформаторов создать как бы единую монолитную нацию условно западноевропейского образца на основе общегражданской надэтнической и внерелигиозной идентичности «османцев» на следующем этапе вылились в конструирование политико-правовых доктрин «слияния» и османизма, однако данная веха в истории оттоманского нациестроительства выходит за рамки тематики настоящей статьи и заслуживает пристального интереса в качестве самостоятельного предмета исследования.

В заключение необходимо сказать, что реформы османского законодателя в части изменения правового статуса иноверцев столкнулись со структурными препятствиями, выходящими за пределы простой этнокультурной пестроты населения, консерватизма исламских элит или конформизма правоприменителя. Проблема находилась значительно глубже. Попытки создания современной нации – носителя суверенитета – на западноевропейский манер натолкнулись на сущностное отличие оттоманской социально-политической ситуации от аналогичных условий, складывавших в Европе веками. Если в Западной Европе в самом мышлении людей возобладали современные формы социального взаимодействия и, как следствие, построения общества и его взаимодействия с государством, то в Османской империи таких условий не возникло и, полагаем, возникнуть не могло.

Исламская социально-нормативная культура вкупе с традиционно-монархическим типом легитимации верховной власти и крайним этнокультурным разнообразием населения препятствовали созданию современной нации, что предопределило крах любых внешних попыток внести в эту картину «косметические» коррективы. Османская надэтническая нация, на контрасте, к примеру, с французской политической нацией, не состоялась. Однако, на наш взгляд, эта тема заслуживает дальнейшей разработки и внимания со стороны научного сообщества.

Список источников

1. Тюркер Т. Османская модернизация, ислам, проблема личности и государства // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010. – 480 с. – С. 471 – 477.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.
3. Федоров С. Е., Филюшкин А. И. История и теория наций и национализма: учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2016. – 208 с.

4. Петросян Ю. А. Российская историография Османской империи XVIII – XX вв. – СПб.: Наука, 2012. – 260 с.
5. Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 280 с.
6. Сафрастьян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50 – 70 гг. XIX в.) / Отв. ред.: О. Г. Инджикян. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1985. – 147 с. В надзаг.: АН АрмССР, Ин-т востоковедения.
7. Дулина Н. А. Реформы танзимата и шариат // Ислам в истории народов Востока. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 197 с. – С. 177 – 181.
8. Burak, G. Evidentiary Truth Claims, Imperial Registers, and the Ottoman Archive: Contending Legal Views of Archival and Record-Keeping Practices in Ottoman Greater Syria (Seventeenth – Nineteenth Centuries) / Guy Burak // Bulletin of SOAS. – 2016. – Vol. 77. – № 1. – Pp. 129–142.
9. Kostopoulou, E. Autonomy and Federation within the Ottoman Empire: Introduction to the Special Issue / Elektra Kostopoulou // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2016. – Vol. 18. – № 6. – Pp. 525–532.

References

1. Tyurker T. Ottoman modernization, Islam, the problem of personality and the state. In: *Russia and the Islamic world: a historical retrospective and modern trends*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+; 2010. – 480 p. (In Russ.)
2. Hobsbawm E. *Nations and nationalism after 1780*; translated from the English by A. A. Vasil-ev. St. Petersburg: Aleteya; 2017. 308 p. (In Russ.)
3. Fedorov S. E., Filyushkin A. I. *History and theory of nations and nationalism: textbook*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2016. 208 p. (In Russ.)
4. Petrosyan. A. *Russian historiography of the Ottoman Empire of the XVIII – XX centuries*. St. Petersburg: Nauka; 2012. 260 p. (In Russ.)
5. Petrosyan Yu. A. *The Ottoman Empire: power and death. Historical essays*. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature; 1990. 280 p. (In Russ.)
6. Safrastyan R. A. *The doctrine of Ottomanism in the political life of the Ottoman Empire (50 – 70 years of the XIX century)*. O. G. Injikyan (ed.). – Erevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1985. – 147 p. In the supervision of: Academy of Sciences of the Armenian SSR, Institute of Oriental Studies. (In Russ.)
7. Dulina N. A. Reforms of the Tanzimat and Sharia. In: *Islam in the history of the peoples of the East*. Moscow: The Main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka"; 1981. 197 p. (In Russ.)
8. Burak G. The requirements of evidentiary truth, imperial registers and the Ottoman archive: Contradictory legal views on the practice of archiving and record keeping in Ottoman Great Syria (XVII–XIX centuries). *Bulletin of SOAS*. 2016;77(1):129–142. (In Russ.)
9. Kostopoulou E. Autonomy and Federation within the Ottoman Empire: an introduction to a special issue. *Journal of Balkan and Middle Eastern Studies*. 2016;18(6):525–532. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Федосов – старший преподаватель кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Information about the author

I. V. Fedosov – Senior Lecturer at the Department of Law of the Northwestern Institute of Management of the RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.